

Артур Конан Дойл

Приключение второго пятна

*Часть сборника
Самые знаменитые
расследования Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

Приключение второго пятна

«ЭКСМО»

1904

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Приключение второго пятна / А. Дойл — «Эксмо», 1904

«Я полагал, что «Приключение в Эбби-Грейндж» будет последним из расследований моего друга мистера Шерлока Холмса, о котором я поведаю публике. Это мое решение объяснялось не отсутствием материала для рассказа – у меня имеются заметки о сотнях дел, про которые я ни разу даже не упоминал, – и отнюдь не угасанием интереса со стороны моих читателей к поразительной личности и уникальным методам этого необыкновенного человека. Истинная причина заключалась в нежелании мистера Холмса, чтобы публикации о его триумфах продолжались...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Дойл А., 1904
© Эксмо, 1904

Артур Конан Дойл

Приключение второго пятна

Я полагал, что «Приключение в Эбби-Грейндж» будет последним из расследований моего друга мистера Шерлока Холмса, о котором я поведаю публике. Это мое решение объяснялось не отсутствием материала для рассказа – у меня имеются заметки о сотнях дел, про которые я ни разу даже не упоминал, – и отнюдь не угасанием интереса со стороны моих читателей к поразительной личности и уникальным методам этого необыкновенного человека. Истинная причина заключалась в нежелании мистера Холмса, чтобы публикации о его триумфах продолжались. Пока он занимался своей профессиональной деятельностью, описание его успехов имело для него некоторую практическую ценность, но с тех пор, как он навсегда покинул Лондон и занялся изучением пчел и пчеловодства среди сассекских холмов, всякая известность стала ему ненавистной, и он безоговорочно потребовал, чтобы его запрет соблюдался свято. Только когда я напомнил ему про мое обещание, что в надлежащее время «Приключение второго пятна» будет непременно опубликовано, а также указал на желательность того, чтобы эту длинную серию эпизодов завершило самое значимое из международных дел, ему поручавшихся, мне наконец-то удалось получить его согласие на то, чтобы всемерно тактичный отчет о произошедшем все-таки был предложен вниманию публики. Если в изложении событий кое-какие подробности я оставлю неясными, читатели без труда поймут, что у моей сдержанности есть основательная причина.

Итак, в год и даже десятилетие, которые останутся неназванными, как-то осенью во вторник утром нашу скромную гостиную на Бейкер-стрит почтили своим присутствием два визитера, известных всей Европе. Один, худощавый, с римским носом, с орлиными глазами и доминирующий над всем и вся, был не кто иной, как достопочтенный лорд Беллинджер, дважды премьер-министр Великобритании. Другой, темноволосый, с правильными чертами лица, безупречно элегантный, далеко еще не пожилой и одаренный как телесной, так и духовной красотой, был достопочтенный Трелони Хоуп, секретарь по европейским делам, принадлежащий к самым видным государственным деятелям страны. Они сидели бок о бок на нашем заваленном бумагами диванчике, и по встревоженному и усталому выражению их лиц было нетрудно понять, что привело их сюда дело самой неотложной и огромной важности. Худые, в синих прожилках руки премьера крепко сжимали слоновой кости ручку его зонтика, и он мрачно поворачивал свое аскетическое лицо с впалыми щеками от Холмса ко мне и обратно. Секретарь по европейским делам нервно подергивал себя за усы и играл брелоками на часовой цепочке.

– Едва я обнаружил мою потерю, мистер Холмс, нынче утром в восемь часов, то незамедлительно поставил в известность премьер-министра. И по его предложению мы вместе приехали к вам.

– Вы сообщили в полицию?

– Нет, сэр, – сказал премьер-министр с той мгновенной категоричностью, которой славился. – Мы этого не сделали, и об этом не может быть и речи. Поставить в известность полицию в конечном счете означает поставить в известность публику. А именно этого мы особенно хотели бы избежать.

– И почему, сэр?

– Потому что документ этот имеет такую колоссальную важность, что его опубликование могло бы привести – и скажу даже, почти наверное привело бы к опаснейшему европейскому кризису. Не будет преувеличением сказать, что на карту поставлены мир или война. Если его возвращение не будет осуществлено в полнейшей секретности, то его вообще нет смысла возвращать, так как цель похитителей – именно предать его гласности.

– Понимаю. А теперь, мистер Трелони Хоуп, я буду весьма вам обязан, если вы со всей точностью опишете мне обстоятельства, при которых документ исчез.

– Это не потребует многих слов, мистер Холмс. Письмо – потому что это было письмо от иностранной влиятельной особы – пришло шесть дней назад. Важность его настолько велика, что я ни разу не оставил его в моем служебном сейфе, а забирал его с собой в мой дом на Уайтхолл-Террас и прятал у себя в спальне в запертой дипкурьерской вализе. Оно было там вчера вечером. В этом я уверен. Собственно, переодеваясь к обеду, я открыл вализу, и документ был внутри. Сегодня утром он исчез. Вализа стояла на туалетном столике возле зеркала всю ночь. Сплю я очень чутко, как и моя жена. И мы готовы поклясться, что ночью никто не мог войти в комнату. Тем не менее повторяю: письмо исчезло.

– В котором часу вы обедали?

– В половине восьмого.

– Сколько времени прошло, прежде чем вы легли спать?

– Моя жена отправилась в театр. Я ждал ее возвращения. К себе в спальню мы поднялись в половину двенадцатого.

– Значит, четыре часа вализа оставалась без присмотра?

– Никому не разрешается входить в эту комнату, кроме горничной для утренней уборки, моего камердинера и камеристки моей жены. И он, и она – преданные слуги и служат у нас уже давно. К тому же ни он, ни она никак не могли узнать, что в моей вализе есть что-то кроме обычных министерских бумаг.

– Кому было известно о существовании письма?

– В доме – никому.

– Но, полагаю, ваша супруга знала?

– Нет, сэр, я ничего не говорил жене, пока не хватился письма утром.

Премьер одобрительно кивнул.

– Мне давно известно, сэр, сколь высоко ваше чувство долга перед обществом, – сказал он. – Я убежден, что секрет такой важности будет превалировать над самыми тесными семейными узами.

Секретарь по европейским делам поклонился.

– Вы совершенно правы, сэр. До нынешнего утра я ни единым словом не упомянул моей жене про этот секрет.

– А не могла она догадаться?

– Нет, мистер Холмс, догадаться она никак не могла, как и кто-либо еще.

– Пропадали ли у вас какие-либо документы раньше?

– Нет, сэр.

– Кто в Англии все-таки знал о существовании письма?

– Каждый член кабинета был извещен о нем вчера, однако клятва хранить все в тайне, которая дается перед каждым заседанием кабинета, была подкреплена внушительным предупреждением из уст премьер-министра. Господи, только подумать, что несколько часов спустя я сам его потерял! – Спазм отчаяния исказил его красивое лицо, и он вцепился пальцами в волосы. На мгновение мы увидели подлинного человека – импульсивного, пылкого, крайне чувствительного. Тут же аристократическая маска вернулась на место. – Кроме членов кабинета, есть двое или, возможно, трое министерских чиновников, знавших о письме. И больше никто в Англии, мистер Холмс, уверяю вас.

– А за границей?

– Полагаю, за границей его никто не видел, кроме писавшего. Я полностью убежден, что его министры... что он не воспользовался официальными каналами.

Холмс ненадолго призадумался.

– Теперь, сэр, я вынужден спросить вас, что более конкретно содержало письмо и почему его пропажа грозит иметь столь важные последствия.

Государственные мужи быстро переглянулись, и мохнатые брови премьера сошлись на переносице.

– Мистер Холмс, конверт длинный, узкий, голубой. На нем печать из красного сургуча с оттиском льва, подготовившегося к прыжку. Оно подписано крупным властным почерком...

– Боюсь, сэр, – сказал Холмс, – что как ни интересны, ни существенны эти детали, мои расспросы касаются сути дела. Что содержало письмо?

– Это государственная тайна крайней важности, и, боюсь, открыть ее вам я не могу, да и не вижу в этом надобности. Если с помощью талантов, какими вы, по слухам, наделены, вам удастся отыскать конверт, который я описал, со вложением, вы хорошо послужите своей стране и получите любую награду, которую мы можем предложить.

Шерлок Холмс с улыбкой встал.

– Вы двое – самые занятые люди в стране, – сказал он, – и в моей скромной роли у меня тоже много неотложных обязательств. Крайне сожалею, что не смогу помочь вам в этом деле, но продолжение нашей беседы будет только напрасной тратой времени.

Премьер вскочил с тем быстрым яростным блеском в глубоко посаженных глазах, который ввергал в трепет кабинет министров.

– Я не привык... – начал он, но совладал с гневом и снова сел.

Минуту, если не больше, мы все просидели в молчании. Затем старый политик пожал плечами.

– Нам придется принять ваши условия, мистер Холмс. Без сомнения, вы правы и с нашей стороны неразумно ожидать, что вы что-либо предпримете, если мы полностью вам не доверимся.

– Согласен с вами, сэр, – сказал более молодой политик.

– Ну, так я расскажу вам все, полагаясь на вашу честь и честь вашего коллеги, доктора Ватсона. Могу также воззвать к вашему патриотизму, так как не представляю себе худшего положения, в каком может оказаться наша страна, если это дело получит огласку.

– Вы можете вполне на нас положиться.

– Так вот: письмо это от некоего иностранного монарха, задетого недавними колониальными успехами нашей страны. Написано оно было второпях и исключительно по его собственной инициативе. По наведении справок выяснилось, что его министры ничего про все это не знают. В то же время написано оно, к несчастью, в такой несдержанной манере, а некоторые фразы настолько провокационны, что опубликование его, без сомнения, приведет к огромному возмущению в нашей стране. Кипение страстей достигнет такого накала, сэр, что, говоря без колебаний, не пройдет и недели после его опубликования, как наша страна будет ввергнута в страшную войну.

Холмс написал имя на листке бумаги и отдал листок премьеру.

– Совершенно верно, это он. И вот его письмо – письмо, которое вполне может знаменовать трату сотен миллионов и обойтись в сотни тысяч человеческих жизней, это письмо пропало столь необъяснимым образом.

– Вы известили пославшего?

– Да, сэр. Была отправлена зашифрованная телеграмма.

– Возможно, он желает опубликования письма.

– Нет, сэр, у нас есть веские причины полагать, что он уже понял, что поступил опрометчиво, под влиянием минуты. Если письмо всплывет, для него и его страны это явится более тяжким ударом, чем для нас.

– Если так, то в чьих интересах, чтобы письмо стало достоянием гласности? Почему кому-то понадобилось красть его для опубликования?

– Тут, мистер Холмс, вы увлекаете меня в сферы высочайшей международной политики. Но, если вы взвесите ситуацию в Европе, вам будет нетрудно обнаружить мотив. Вся Европа сейчас – вооруженный лагерь. Имеются два союза, обеспечивающие достаточное уравнивание вооруженных сил. Весы держит Великобритания. Если она будет ввергнута в войну с одним союзом, это обеспечит главенство другому союзу, вступит ли он в войну или нет, понимаете?

– Вполне. Следовательно, в интересах врагов этого монарха заполучить и опубликовать письмо, чтобы обеспечить разрыв между его страной и нашей?

– Да, сэра.

– И кому будет послан этот документ, если он попал в руки врага?

– Любому из ведущих правительств Европы. Вероятно, оно уже на всех парах находится на пути туда.

Мистер Трелони Хоуп поник головой и громко застонал. Премьер ласково положил ладонь ему на плечо.

– С вами приключилась беда, мой милый. Никто не может винить вас. Нет ни единой меры предосторожности, которую вы бы не приняли. Мистер Холмс, теперь у вас в распоряжении все факты. Что вы рекомендуете?

Холмс скорбно покачал головой.

– Вы полагаете, сэра, что в случае, если документ не будет возвращен, вспыхнет война?

– Я полагаю, что это более, чем вероятно.

– В таком случае, сэра, готовьтесь к войне.

– Категорично сказано, мистер Холмс.

– Взвесьте факты, сэра. Его никак не могли похитить после половины двенадцатого ночи, ведь насколько я понял, мистер Хоуп и его супруга находились в комнате с этого часа до той минуты, когда потеря была обнаружена. Следовательно, его забрали вчера вечером между половиной восьмого и половиной двенадцатого. Вероятнее, ближе к более раннему часу, поскольку похититель явно знал местонахождение документа и, естественно, стремился завладеть им как можно скорее. Далее, сэра, если документ подобной важности был украден примерно тогда, где он может находиться теперь? Ни у кого нет причины держать его при себе. Он со всей быстротой был передан тем, кому он требовался. Какой шанс у нас есть перехватить письмо сейчас или хотя бы проследить? Оно вне нашей досягаемости.

Премьер-министр поднялся с диванчика.

– Ваши рассуждения, безусловно, логичны, мистер Холмс. Я чувствую, что мы действительно бессильны.

– Давайте гипотетически предположим, что документ был похищен камеристкой или камердинером...

– И она, и он служат давно и преданно.

– Как я понял из ваших слов, ваша спальня расположена на третьем этаже и проникнуть в нее снаружи невозможно, а внутри никто не мог бы подняться по лестнице незамеченным. Следовательно, взять его мог только кто-то находящийся в доме. Кому отнес бы его вор? Какому-то международному шпиону или тайному агенту, чьи имена мне более или менее известны. Трех можно назвать ведущими в своей профессии. Я начну мои розыски с того, что отправлюсь проверить, на своих ли они постах. Если кто-то из них исчез – особенно если не раньше вчерашней ночи, – мы получим представление, куда оно отправлено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.